

НА НАС ЛЕЖИТ ТОТАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ален Бадью

Ален Бадью — философ, один из самых оригинальных и влиятельных из живущих ныне французских мыслителей. Автор многочисленных книг. Некоторые из них: «Делез. Шум бытия», «Манифест философии», «Апостол Павел. Обоснование универсализма», «Краткий курс метаполитики» — переведены на русский. Ален Бадью — профессор знаменитой «Эколь Нормаль» и Международного философского колледжа

■ В одной из своих последних работ «Философия в настоящем» вы указываете на то, что философия возникает в момент возникновения «парадоксальных ситуаций» и задача философа — разрешить эти ситуации во имя универсальных принципов. Какие «парадоксальные ситуации» вы видите в современной мировой политике, на которые стоит обратить внимание?

Наиболее важная парадоксальная ситуация сегодня заключается в следующем: капитализм, который господствует над этим миром, становится все более и более необузданным. Он создает неравенство небывалых масштабов как между богатыми странами и бедными, так и внутри самих стран, причем всех без исключения. Он поглощает природные ресурсы, истощая их. Исключительно ради получения прибыли он производит в огромном количестве со-

вершенно бесполезные и часто уродливые товары. Он разрушает сектор государственных услуг, таких как здравоохранение и образование, крайне важных для общества сегодня. Он также стоит за кровавыми, чаще всего американскими, военными походами: вторжениями, оккупациями, разрушениями... И несмотря на все это, единственная по-настоящему сильная и глобальная идея — идея коммунизма — сегодня практически отсутствует. Ее обновление идет с трудом после полного краха «социалистических государств», а профсоюзы и народные организации слабы и разобщены.

Перед лицом глобального капитализма лагерь, основанный на идее равенства, по-прежнему не имеет глобальной идеи, с помощью которой можно было бы предотвратить капиталистическую катастрофу, и более того, этот лагерь раздирают национальные противоречия самого абсурдного характера. Этот контраст является самым главным и самым тревожным парадоксом нашего времени.

■ Любопытно, возможно ли еще одно появление радикального зла, может быть, даже такого, на фоне которого Холокост будет бледным событием? То есть зло не обязательно должно вернуться в нацистской фуражке, но возможно ли что-то такое? Или человечество извлекло из истории уроки и уже не повторит былых ошибок?

Моя позиция заключается в том, что никакого радикального зла не существует. Зло сегодня должно восприниматься как провал высшего блага. Почему нацизм принес зло в Германию в 30-е годы? Вряд ли потому, что он сам был «злом». Нацизм принес зло, потому что революционная политика, в частности в Германии, была крайне слабой, неуверенной, разобщенной. Сначала были социал-демократы, которые жестоко подавили восстание спартакистов под руководством Розы Люксембург. Затем политика немецкой коммунистической партии была нерешительной, противоречивой, лишённой настоящей силы. И здесь нужно отметить, что в этом есть существенная вина советского руководства во главе со Сталиным. Общий итог всего это-

го, включая уничтожение европейских евреев, следует рассматривать как итог политики — как идеологической, так и практической — прогрессивных и народных сил. История радикального зла — это история плохой морали, реакционной метафизики. Зло — это то, чему великие политические истины, на первом месте среди которых стоит коммунистическая идея, не смогли помешать. Зло — это следствие нашей слабости в действиях, которые должны были привести к справедливости.

■ Интересно, не может ли зло, которое Ханна Арендт называет «банальным», быть страшнее «радикального зла»? Или каждую явленность зла вообще нельзя сопоставить с другим его проявлением?

Различные формы того, что вы называете злом, являются лишь различными формами, которые принимает благо после своего провала. Зло — это различные формы провала настоящей политики, творческого искусства, беспристрастной науки или любви как движущей силы нашей личной жизни.

■ В «Этике. Очерк о сознании зла», когда вы пишете о «единичности зла» и вспоминаете о Холокосте, утверждая, что все проявления зла несводимы к злу радикальному, вы приводите примеры именно из политической жизни — Хусейн, Милошевич. Действительно ли проблема (радикального) зла связана исключительно с политическим?

Поскольку истины, то есть единственные «блага», на которые мы способны, существуют в рамках искусства, науки, революционной политики или любви, то и зло, которое является отрицанием этих благ, также существует в разных сферах жизни, а не только в политике. Предательство любви, академизм в искусстве, антинаучное мракобесие также являются видами зла, которые тоже могут быть крайне серьезными.

■ Действительно ли зло, как вы опять же пишете в «Этике», можно свести к его религиозным истокам? Не имеет ли на самом деле зло политическое происхождение?

Религия — это всего лишь абстрактная сублимация отношений

между конкретными истинами (универсальность, на которую способен человеческий вид) и их отрицанием. «Бог» — это абстрактное название Блага, а грехи — это абстрактные названия Зла, которое является отрицанием Блага. Но все это сегодня уже никого не интересует. Бог умер уже давно, даже если многие все еще об этом не знают. **Мы сегодня должны взглянуть в глаза той тотальной уникальной ответственности, которая лежит на человеческом виде, то есть на нас, ведь мы способны как стать субъектами истины, так и отказаться от нее, предав это становление.**

■ *Вы пишете о событийном характере истории и о том, что истина является себя через события. Возможны ли, на ваш взгляд, события со знаком минус? События, которым следует противиться, которые могут быть признаны неистинной?*

Во-первых, не существует одной Истины. Есть истины, которые являются научными теориями и экспериментами, произведениями искусства, политическими революциями и любовными страстями. Во-вторых, эти истины не могут «явить себя», поскольку они должны быть созданы с помощью долгой и сложной работы, индивидуальной или коллективной. Они не могут существовать без этой работы. В-третьих, и вследствие, событие не может быть «проявлением» истины, но может быть исключительно возможностью в данном нам мире начать создавать истину.

■ *Почему часто в одном ряду с Аристотелем, Кантом, Ницше и Левинасом вы упоминаете и Варлама Шаламова? Неужели мысль, выраженная им в художественной форме, имеет такое же важное значение, как и труды столь великих философов?*

Я бы сказал, что шедевры искусства могут быть важнее, чем шедевры философии. Например, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова постепенно развивают с помощью фигур текста, порой простых и одновременно мощных, идею о вселенной лагерей и депортации, которая поглощает читателя своей интенсивностью, на которую философия не способна. Эта идея гораздо сильнее идеи «тоталитаризма» или любой идеи о «радикальном зле». И эта идея более «настоящая», чем все то, что на эту же тему написал Солженицын. Философ, который хочет дополнить свои идеи результатами советского опыта и сталинизма, должен однозначно читать и размышлять над произведениями Шаламова.

■ *С чем связано столь повышенное внимание с вашей стороны к проблематике «теолого-политического»? В частности, к фигуре апостола Павла и целому ряду понятий из теологического словаря, например к понятию «благодати»? Почему современные философы все чаще обращаются к теологическому наследию?*

Мы — мыслители и философы эпохи смерти Бога. Для нас религия — это часть прошлого. Мы можем и должны использовать ее для того, чтобы создавать наши понятия, как

однажды философы использовали греческую мифологию, рассказы Гомера, скандинавские легенды, народные сказки и сказки. Все это является хранилищем примечательных форм, которые люди придали своим ныне забытым верованиям, эти формы мы можем использовать применительно к нашим собственным идеям, в частности к коммунистической идее, или математической идее бесконечности, или современной эстетике. Всем прекрасно известно, что классические писатели или художники времен Возрождения сумели многое извлечь из своих невероятных знаний об Античности. Мы делаем то же самое с наследием христиан, евреев или мусульман. Например, апостол Павел говорит об истории, в которую невозможно поверить: о воскрешении Христа. Но, отталкиваясь от этой фабулы, он развивает целую теорию события, сюжета, вовлеченности, которая, на мой взгляд, обладает поразительной силой. Он — первый мыслитель, который одновременно стал воинственным сторонником идеи. Конечно, его идея значит для него совсем не то, что она значит для меня. Но его описание воинствующих форм обладает редкой мощью. Все, что создает человечество, должно служить нам для того, чтобы современные формы искусства, науки, политики, любви, а также будущие истины были максимально блистательными и захватывающими. ■

Интервью подготовили Юлия Нетесова, Александр Павлов и Дмитрий Узланер

ДЬЯВОЛЬСКОГО ЗЛА НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Бадью не говорит ничего нового в рамках своей философской позиции. Он отстаивает старую традицию, идущую от Платона и особенно от Блаженного Августина, считая зло «недостатком добра».

В этой парадигме зло реально, но его анализ и внимание к нему излишни: чрезмерная борьба со злом рискует гипостазировать зло как таковое и тем самым содействовать ему. Например, борьба с терроризмом, которая зачастую приводит к худшим последствиям, чем сам терроризм. Единственный способ «бороться» со злом — не связанный с ним напрямую альтернативный проект, — по Бадью, «событие», где реально выходит на свет новое сущее.

И в вопросах интервью Бадью и отчасти в ответах есть терминологическая ошибка: «радикальным злом» Кант называл склонность человека ставить эгоистический интерес выше всеобщего. Напротив, «дьявольским» злом он считал предполагаемый принцип действия, который бы возносил разрушение и противостояние всеобщему во всеобщий принцип. Этого, по Канту, никак не может быть у людей. Собственно, Бадью с этим согласен. Зло не симметрично добру — это и оставляет нам надежду, в ситуации, когда конструируют зло и борьба со злом. Не существует дьявольского зла.

Что можно сказать про этот аргумент? Он в принципе верен и неизбежен в ситуации борьбы с «террором». Но есть три уточнения.

Первое. Хотя абсолютное зло, ставка на ничто, онтологически невозможна, многие могут об этом не знать и интерпретировать тот или иной объективный недостаток добра в демонических терминах. Пример — это фашизм и иные заведомо провокационные и глобально непопулярные доктрины. Дьявольское зло можно разгрызывать.

Второе. Не факт, что собственно революционное действие может обойтись без логики демонизма. По крайней мере, оно включает карнавальное переворачивание предшествующих ценностей. Шире говоря, «событие» замешано на переинтерпретации того, что ранее считалось злым. И значит, в промежутке интересно именно зло. Уже Гегель считал, что без преступления нет права и именно преступник впервые понимает, что такое всеобщность закона.

Третье. Иногда призыв к позитивности — какой-то — просто обратная сторона ощущения кризиса. Не будет ли революционное «событие» противовесом невозможной, но влиятельной доктрине зла и борьбы с ним?

АРТЕМИЙ МАГУН — политический философ. Доцент Европейского университета (Санкт-Петербург).

РЖ — специально для Ярославского Форума